

За чужой счёт

Рассказ

1

КОТОРЫЙ УЖЕ РАЗ в районной газете можно было найти объявление: «Продаётся хороший дом в д. Ильменьге. На берегу реки. Адрес: ... область, ... район, п-о Ильменьга. Индекс: *****. Клавдии Андреевне Сухаревой».

...Клавдия Андреевна, или попросту, по-деревенски Клавка Хромая, хромой была от рождения и много натерпелась от своей болезни... Её долго никто не брал замуж, а когда наконец «выпало счастье» с сорокапятилетним мужчиной, стало совсем тяжело. Муж её бил, часто, даже зимой, выгонял из дома, звал сукой хромой... — молодая Клавдия всё терпела.

К шестидесяти годам муж умер, и единственную дочку она доучивала сама. Именно к ней, если продаст дом, и хотела уехать Клавдия. Дочка была её упоительной радостью: она удачно вышла замуж, работала на хорошем денежном месте и родила трёх подрастающих уже детей.

На деревне одни бабы говорили, что надо в объявлении написать про рыбу, про грибы, про

ягоды, другие кричали на них, что где Клавка столько денег возьмёт... — каждая буква денег стоит.

Почти все мужики сошлись на том, что жить в такую глушь всё равно никто не приедет, поэтому дом не купят; разве что какой дачник.

Однажды ранней весной Клавдия приковыляла к соседям.

— Приехал ко мне покупатель... — сказала она ещё в дверях.

— Кто?

— Не знаю, то ли моряк какой-то, то ли рыбак. Пенсионер уже, собирается жить... — Клавдия, тяжело отпихиваясь, присела на лавку около печи. — Молочка бы вы, Лида, не налили для гостя... Я и денежки принесла...

— Ладно, ладно, Клавдия Андреевна... А какой он?

— Знаете, такой ещё моложавый, сам всё время улыбается, приветливый.

— И точно уже покупает?

— Всё, всё, место очень понравилось, дом понравился... Только цену не обговорили... А если надумает молочко брать, я на вас, Лида, скажу.

— Хорошо, Клавдия Андреевна, хорошо — скажите.

— Пойду я, а то ждёт. До свидания, Лида.

— До свидания.

Пока хозяйка ходила за молоком, гость уже переоделся в фуфайку, штаны и шапку-ушанку, которые дала Клавдия.

— Как раз вам впору, а я молочка принесла.

— Холодно сейчас молочко пить... А почём у вас молочко? — он опять широко улыбнулся, показав красивые ровные зубы.

— Недорого совсем, вот у соседей можно брать... Холодно — печку надо истопить. Я уже два месяца здесь не живу. Только бумагу прожгём, а то задымит.

...Клавдия Андреевна уже давненько не жила дома, как зарезали последнего барана и стали кончатся дрова. До лета она переехала к сестре. А там видно будет...

Ещё на рассвете Клавдия Андреевна пошла за обещанными деньгами: хотелось скорее отдать все долги, заказать с кем-нибудь билеты, хотелось к дочери... Вчера гостя никак не удалось зазвать на ночевку к сестре, остался раскладываться. Но ничего, угореть не должен.

В доме уже топилась плита, на ней что-то шипело. «Хозяйственный», — подумала Клавдия Андреевна.

— Здравствуйте, я пришла.

— За деньгами пришли, хорошо. Я уже всё приготовил: вот, пожалуйста, пересчитайте.

Раньше Клавдия Андреевна всегда считала, но последнее время ей нравилось доверять людям.

— Ладно, не надо, — сказала она.

— Нет, пересчитаем. Смотрите, — гость по бумажке переложил всю пачку и отдал Клавдии Андреевне. Та сровняла на столе и, стесняясь того, что берёт деньги, завернула их в специально принесенную газету.

— Потом, может, сестра моя придёт, я-то уеду. Поможете ей вот эту кровать-полуторку вынести? Будьте добры!.. У неё летом опять Лёша с Лёней приедут, а спать негде, ладно?

— Нет.

— ...Почему нет? — испуганно засмеялась Клавдия непонимающим старушечьим смехом.

— Вы, Клавдия Андреевна, дом продали — и, значит, выносить ничего не будем, — гость расплылся в улыбке.

— Да куда вам, хватит тут кроватей...

— Пригодится, пригодится, Клавдия Андреевна. Сначала кровать, потом диванчик... Выносить ничего не будем, — и снова улыбка. Так и запомнился Клавдии гость. На голове шапка-ушанка, завязанная сверху, красивые ровные зубы и широкая улыбка, обволакивающая всё лицо.

Клавдия Андреевна не стала больше спорить — она немало пожила, немало видела разных людей. Зачем тратить нервы? Много ли ей

теперь надо? Гость быстро выхлопотал и оформил все бумаги. На следующий день после этого Клавка Хромая уехала. Моряк (именно так и стали называть его в деревне) быстро обжился. Через неделю он уже сидел в перевозной будке-избушке бригады колхозных мужиков, валивших лес в делянке, и договаривался насчёт дров. Он доставал из своей большой красной сумки бутылку за бутылкой, сало.

— У меня этого добра... — говорил Моряк. — Заходите, если надо. В магазине, пожалуй, кусается?! А если что сделаете — мгновенный расчёт! — Он взмахнул ладонью так, словно хотел отрубить кому-нибудь голову или сбить горлышко бутылки. — Мне сделают — я сделаю.

— Ну, держим.

— ...Да, да, мужики, пейте... Ну что, Рома, завтра дрова сделаете?

Пьяный, оглупевший от вина бригадир Роман кивал головой и издавал мычащие, неизвестные до этого звуки согласия.

После обеда бригада не вышла на работу. Мужики были довольны, они пили за чужой счёт, но, видно, не знали, что счёт этот им ещё предъявят.

Жена Романа, Ира, ещё ни разу не видела мужа смертельно пьяным и, не ругаясь, уложила спать. Раньше Роман почти совсем не пил. Примером ему в этом служил отец. На свадьбе подружки, завидуя, шептали: «Повезло тебе, Ирка, — непьющий, некурящий». Но после смерти отца с самым близким человеком Иры что-то сделалось, что-то сломалось внутри... вернее, стало изнашиваться. И вот за несколько лет изменилось. Ира вспомнила, как в эти новогодние праздники Роман открыл форточку и несколько раз крикнул в темноту: «В будущий год будем встречать миллениум, конец света!»

На следующий день после пьянки трактор с избушкой колхозных лесорубов изменил свой обычный маршрут в делянку и остановился напротив дома Моряка. Роман вылез и хотел зайти за бутылкой, но Моряк уже ждал у дверей. Бригадир обернулся назад, мужики стояли около избушки и курили, перетаптываясь на месте.

— Ну что, Рома? Дрова вот сюда привезёте, притяните ближе к дому. Не забудьте только пару сушин. Хлыстами ведь?

— Пузыря дай, опохмелиться.

— А сделаете?

— Да всё я сделаю — пузыря дай! — зло ответил Роман и снова оглянулся на мужиков.

Моряк, в обычных для него теперь латаной фуфайке и ушанке, суетливо забежал на веранду и сразу же вернулся с двумя бутылками. Роман взял обе...

Работа сегодня у лесорубов не ладилась. Час-то перекуривали, ходили пить чай, водка давно уже кончилась.

Вечером к дому Моряка трелёвочник приволок здоровую пачку берёз. А Романа, опять пришедшего домой пьяным, ругала жена. Он огрызался, бурчал что-то. Ира плакала и, наконец, утирая слезы, ушла на кухню...

«Хорошо, что сегодня выходной», — подумал проснувшийся утром Роман. У него болела голова, тело ныло.

— Полоскать пойдём! — бросила проходившая по комнате Ира.

«Хорошо, что сегодня выходной, — снова подумал Роман, — за выходной отойду. Вставать надо». Он встал, оделся, тяжело пыхтя, сначала попил чаю, потом молока... Накинув суконный пиджак, вышел на улицу и молча потащил к реке приготовленные женой санки с бельём. Ира, казавшаяся Роману надзирателем, шла сзади.

Дорога к реке проходила как раз около дома Моряка. Вчера привезённые дрова уже кто-то пилил... Пилил Сашка, если можно так сказать, младший друг Романа, недавно пришедший из армии.

Когда Роман поравнялся с Сашкой, тот загнутил пилу, схватился за чурку — откинул.

— Здорово!

— Здорово!

— Что, калымишь?! — у Романа внутри что-то подскочило к горлу, он обернулся на жену.

— Ага...

2

ДОМА У РОМАНА не было денег. Ира извела его насчёт этого и отправляла занять к брату. Роман пошёл, когда уже почти стемнело и пора было ужинать.

Стояло начало апреля и, наконец, потеплело: с крыш бежало, на дорогах снежная слякоть. Вечером идти плохо — ничего не видно. Над головой нависло тяжёлое чёрное небо.

Денег у брата не оказалось; на обратном пути Роман зашёл к Моряку. Тот сразу поставил.

— Мне дрова, которые ты привёз, Александр и распилил, и расколол — приложить только осталось. Я с ним всё, хорошо расплатился, а вчера он мне пилу приволок. За три бутылки, плохо, что ли?.. Правда, шина кривая, но шинку-то найдём, да и новеньку...

(...Бизнес Моряка процветал: каждую неделю ездил он за водкой в город. Почти все покупали у него, так как было дешевле. К нему несли

и вещи. На деревне Моряка костили, его водку-отраву ругали, но всё равно покупали. Пополз слух, что Моряк продаёт и школьникам. Роман к Моряку не ходил, только давал деньги кому-нибудь, чтоб купили...)

Роман сам наливал себе и глотал одну за другой стопки, тупо смотря на что-то говорящего Моряка: тот не пил. «Он, гад, не пьёт. Нас спаивает, а сам не пьёт. Пилу у Сашки забрал, на которую я денег... давал. Надо ему...»

Вдруг до Романа донеслось:

— Вы мне, Рома, хлевок под телёнка срубите? С мужиками там договоришься. У меня уже всё — лесобилет выписан. Вы там сами вырубите, окорите, всё что надо, потом на пилораму плах закажем, досок. Всё мне под крышу подведёте; я хорошо заплачу... Вот аванс дам. Я, Роман, на тебя надеюсь!

Роман схватил положенные на стол деньги, сунул в карман и выбежал на улицу.

Он шёл, спотыкаясь и падая в лужи, потерял шапку. Запутавшись в деревне, забрёл в Сашкин дом. На стук в коридор вышла Сашкина мать. Роман, качаясь перед ней и, видимо, не понимая, почему вышел не друг, бубнил:

— Сашку, Сашку мне, Сашку мне...

— Иди, Сашка, сам разбирайся, к тебе тут пришли...

Сашка вышел.

— Ну-у, Ромка...

— Сашка, Сашка, пилу не надо, не надо... не ходи к Моряку, не надо, Сашка.

— Роомка...

— ...Я хожу, я хожу, я не могу... — Он не удержал равновесия и упал. Опёршись руками о ведро с помоями, хотел подняться, но ведро опрокинулось...

Роман сидел в луже помоев, что-то бурчал, хлопал руками по мокрому полу.

На грохот и шум сбежалась вся семья: мать, отец и младший брат Сашки.

— Уууу... Куда он теперь? — тихо сказал отец.

— Дома не оставлю! — мать взбесилась. — Дома не оставлю! Волоки его, Сашка, отсюда!

— Батя! Куда его, батя?

— Что, к Иринке поведём. Больше никак, — отец был спокоен, он уже одевался. — Что стоишь?!

После отцовских слов успокоились и остальные...

Романа было вести трудно: везде скользко, сыро и лужи. Хорошо, что впереди бежал младший брат Сашки, Витька. Он деловито покрякивал: «Тут лужа, тут лужа! Тут токо снегом можно!» На полпути Роман немного протрез-

вел, но от этого начал только «придуряться»: поджимал ноги, виснул на мужиках, пытался вырваться и стонал, чтоб его оставили подыхать. Под конец он перепутал Сашку с женой, стал приставать к нему с ласками, хватая за колёно и крича: «Какая ты, Ира, сдобная! Какая сдобная!»

...Ира долго била ничего не понимающего мужа. С рёвом горланила на весь дом забившейся под одеяло дочери: «Любка, он нас продал! Этот алкоголик продал нас, Любонька!»

Утром Роман отдал моряков аванс Ире, та взяла. Люба, проспав, в школу пришла только ко второму уроку. Некоторые почему-то косились на неё с интересом и смешками. Почти вслед за Любой в класс заглянул старшеклассник Витка. Он, подмигивая ребятам, в вразвёлочку прогулялся вдоль доски туда — обратно. Потом подошел к сидящей на своём законном учебном месте сжавшейся сейчас в комок и забитой взглядами Любе, облокотился о парту и «прошентал»: «Ну чё, отец-то вчера с запашком пришёл?»

— Опрокинул вчера на себя ведро помойное, — обратился Витя уже ко всем, — и сидит, как поросёнок. А потом вообще корки, когда уже домой вели, Сашку стал за яйца хватать... Голубой, что ли, какой-то?

В школу Люба не ходила несколько дней. Ира на прогулы дочери не обращала внимания, только ставя их Роману в упрёк. Наконец за Любой пришел директор школы, узнавший в чём дело. ...Так как в деревне у многих ребят отцы пили, Любу больше не преследовали. Прошло время, и потерявший совесть Роман был уволен из колхоза. Теперь он пропадал только на «калымах» у Моряка, даже носил дрова и воду. По деревне говорили, что Ира от него отказалась. Роман часто не ночевал дома, заснув у своего «хозяина» на кухонном полу. Что-то случилось с Романом, нарушилось в его голове, лопнула какая-то капсула с едучей жидкостью, растёкшейся по всему мозгу. ...Бывший бригадир, с отличием окончивший техникум, теперь не мог протрезветь, даже когда не пил несколько дней. Жена и дочка казались ему обузой, данной в наказание за что-то.

В конце мая Моряк созвал к себе мужиков, строивших ему хлев, на день рождения. В доме, в такие тёплые деньки, когда все начинает зеленеть и уже выпускают коров, сидеть душно и неохота. Пошли на природу, опустились к неширокой, но красивой реке Ильменьге. Моряк расстелил скатерть, стал доставать закуску.

— Вы, мужики, разбирайте стопочки, наливайте.

— Ты хозяин...

— Нет, нет, пока я разложусь...

Кто-то потянулся за бутылкой. Роман, любовавшийся Ильменьгой и берёзками на той стороне, распустившими почки, сказал:

— А давай, мужики, будем купаться.

— Ты не дури, Ромка, опять у тебя зашиб, — ответил за всех жевавший кусочек сала Сашка.

— Вода больно холодная, — добавил кто-то.

— Ну давай, мужики... За твоё здоровье, Моряк, имени не знаю...

— ...Моряк и ладно...

Они выпили по несколько стопок. Роман снова заладил своё.

— Пойдём купаться, — говорил он пьяно и упрямо.

— Холодно, дурак, вода холодная. ...Замёрзнешь...

— Пойдём купаться. Пойдём... Я пойду один... — Он встал.

— Куда, пропустишь ведь. Держи!

— А, держать?! Буду держать... — Роман опять сел и выпил. Но упряму его, стержень, который не давал приспособливаться к изменениям жизни, не смог сжечь даже спирт. Правда, изуродованный водкой, не имеющий подпитки из вне, стержень этот стал примитивной, идущий поперёк общего мнения палкой, что суют в колёса.

— А я пойду купаться, — сказал Роман неожиданно и встал. Сашка успел ухватить друга за пиджак, но тот сбросил его, сбросил и рубаху, оставшись в замызганной майке.

— Дурак, — сказал кто-то.

Роман, сильно шатаясь, шёл к реке. Сегодня его развезло быстрее, так как начал праздновать день рождения он ещё вчерашним вечером.

— Ну что, кто пойдёт купаться?.. Никто что ли?

— Вода холодная!

— Холодная?! — Ромка глянул на реку, потом снова на мужиков. — Холодная, значит, нагреем, — тупо заулыбался он.

Ромка пошёл к старому гнилому плотнику Клавдии Андреевны, с которого та раньше полоскала бельё. Небольшой деревянный плотик уже давным-давно кем-то хозяйственным был привязан к берегу тросом и лишь поэтому не уплывал в половодье.

— Сейчас нагреем, сейчас мы вам нагреем, — всё ещё улыбаясь, бормотал Роман. Он ступил на плотик, сгнившие доски, насланные на брёвна, проломилась.

— Утонешь, дурак... Э?!

Роман ступал дальше, отживший своё, намокший плотик немного погрузился под его тяжестью.

— Вам холодно?! Я нагрею, я нагрею... — Он расстегнул ширинку и хотел... но доски снова проломались. Роман не удержался и, как-то смешно раскинув руки, упал головой вперёд, потом ещё раз шевельнулся и замер.

— ...Рааман, вставай, не притворяйся. Ромик?! — сказал один, шутя. — Вставай, а то выпьем без тебя! Держи!

— Что-то не так, — вскочил Саша, выкинув налитую стопку. — Что-то не так!

Он забежал в воду, приподнял голову Романа.

— Ромка! Ромка!.. Он головой об железину стукнулся! — зло повернулся Сашка к мужикам.

Роман стукнулся головой о не знаю зачем забитый, огромный, кованый ещё в кузнице гвоздь, который, потеряв шляпку, вылезал теперь из прогнивших досок и брёвен острым штырём, стоящим вверх.

На следующий день Люба снова не пошла в школу.

— Вот да!.. Ольга, Ольга!.. — открыл он двери в дом. — Иди сюда, чего покажу.

— Ну чего там покажешь, чего покажешь... — недовольно, но всё-таки с любопытством поспешила Ольга к мужу.

— ...Смотри, Оля... — выключил Пётр свет. — Уголёк.

— Фу ты, что увидел тоже — уголёк. Залить — и не будет.

— Да зачем залить?! Сколько уж он держится. Вчера печка топлена, а он всё не затих. Вот какая сила! Людям бы столь! Его в печи кочергой долбили, на другой день в таз с золой выгребли, да на улицу, на холод, — а он знай своё дело делает и ничего...

— ...Иди-ка с углями ты со своими...

— Да не, пятнадцать градусов мороза, а он светит!

— Иди-ка...

...Уголёк этот вскоре погас, не забыв своё: светить и греть.

Уголёк

Рассказ

ОЛЬГА С ПОМОЩЬЮ кочерги и совка выгребала из печей золу. По правде говоря, то, что золы уже много накопилось, она заметила несколько дней назад, но руки никак не доходили. Сегодня тоже не было времени, и Ольга подумала... что завтра тем более не будет. Поэтому, придя на обед, она перво-наперво открыла трубы и засуетилась у печей.

— Фу, полный таз накопила, — сказала Ольга одновременно и стыдясь того, что долго не выгребала, и радуясь, что теперь в печах чисто.

Она вынесла золу в коридор. Постояла секунду. И снова к домашним делам.

* * *

Муж Ольги, Пётр, возвращается с работы поздно — в шесть. А январский день короткий, так что в темноте.

Пётр привычно смёл голиком с куртки и валенок снег. Стащил с головы шапку, хлопнул об колено. Потом вошёл на веранду, в коридор...

— Что такое за беда?!

В темноте, притягивая взгляд, светилась красивая, как будто горящая, красная точка... Пётр нащупал рукой выключатель, чикнул и, присмотревшись, увидел в тазу, в серой золе, уголёк.

Богатые

Рассказ

НА САМОМ ДЕЛЕ они вовсе никакие не богатые, просто фамилия такая...

В школе по-настоящему с Богатыми дружу только я один, больше никто... Потому что все их зовут вонючками. Да ещё ходят они во всём старом, с заплатами.

Но никто не знает, как живут Богатые!

Мать у них пьёт. Она пьёт скрытно, не на людях. Потихоньку напьётся, а потом ходит весёлая и противная... Отец, тот приходит поздно, всегда чем-то недоволен, всегда злой.

Поэтому почти всё домашнее хозяйство на ребятах. Антон с Ирккой за коровой смотрят, Ирка теперь даже доит. Таня с Олей — за поросёнком, Ленка — за бычком. А Сашка, самый младший, тот каждому помогает...

Мне всегда интересно смотреть, как они со всем легко справляются и потом веселятся. Распахнёшь дверь в дом — а там как будто муравейник: один делает зарядку, другой танцует, третий пишет что-то... а Ленка, Ленка всё время шьёт...

...И за водой они тоже ходят вместе, и за дровами.

Антон среди Богатых самый старший и самый умный. Но мне кажется, что он немного зазнаётся, когда помогает делать уроки; или он хочет стать учителем...

Обида

Рассказ

СИДЯТ ЗА СТОЛОМ в жарко натопленной избе две бабки. Пьют чай с кусковым сахаром. Вспоминают прошлое. Всё больше свою молодость и детство.

Что-то зашёл разговор о родных. И одна бабка вдруг:

— ...Отчим, дядя Петя, жестокий был. Однажды побил меня на повети ни за что ни про что, — у неё на глаза накатались слёзы, голос задрожал. — Я ни брату не сказала, ни маме... Уж потом, как он помирал, а я за ним ходила, хотела спросить, за что он... меня... — да уж ладно.

Смерть

Рассказ

БЫЛ ПРОЕЗДОМ в нашем городке, когда ехал на каникулы домой, и решил заглянуть к одногруппнику по училищу.

Меня всегда к нему тянуло, да и всю нашу группу. Он свой парень! Весёлый! Не унывает никогда. Глебыч! Глеб. ...Помню, у него болел зуб, щёку разнесло. Он к врачу пошёл. «Болит... — двумя пальцами клещи показал, — но скоро пройдёт!»

...Уверенный, что скоро увижу Глеба, на третий этаж взбежал легко. Зачем-то, ступая на каждую, сосчитал бетонные ступеньки всех пролётов. Перед дверью сначала резко выдохнул, чтоб дыхание восстановить, и только потом нажал кнопку звонка.

Открыла мама Глеба.

— Здравствуйте! Глеб дома?

— ...Погиб Глеб...

...Повернулся, шагнул на ступеньки.

Через большое окно между этажами прямо в глаза ударило яркое солнце. До боли! Слепило. ...Когда опомнился, повернулся, чтобы спросить, где могила...

Но дверь уже закрыта. Мне показалось, что прошли секунды, а на самом деле, наверное, не меньше минуты. ...Снова позвонить, чтобы спросить, где могилка, не смог.

Больше ни к кому не пошёл, даже к тёте, вернулся на вокзал и, дожидаясь свой автобус, весь день просидел там. Ко мне, чего до этого не бывало, несколько раз подходили и спрашивали: «Закурить не найдётся? Мужик! Закурить не найдётся?» А я отвечал: «Не курю».

Таня с Олей, те в школе любят только физкультуру, они и дома тренируются, особенно зимой — на лыжах. Ирка ничем таким не увлекается: больше всё что-нибудь варит... А вот Ленка, та хорошо шьёт и на рыбалку ходит. Мы с ней на рыбалке и познакомились. Раньше я не знал, что девочки на рыбалку ходят, а теперь знаю... Я, наверно, когда вырасту, на Ленке женюсь, если она согласна будет.

А так, конечно, жалко, что в школе с Богатыми никто не дружит, просто их не знают.

Космонавты

Рассказ

ВОТ У НАС и экзамены. Готовлюсь всё время — билеты учу. А сегодня ещё надо в конец деревни идти. Там отец и дядя Игорь хлев рубят. Мне придётся им на обед суп варить. Хотя мама еды столько наготовила, что можно и так наестся.

— Где костёр будем жечь? — спросил я, как только пришёл к сруб.

— Будешь, а не будем. Жги около берёзы. Только уху вари, а не суп. Игорь вчера на рыбалку сбегал, хайрузов изловил, в ключике в миске лежат.

— Хорошо клюёт, дядя Игорь?

— Не больно, но первый раз ничего.

Я сварил уху. Мужики пришли, всю съели.

— Что-то я не наелся. Игорь, ты как?

— Да тоже чего-то... Я утром слабовато поел...

— Вари, Женька, тогда ещё и суп.

— Да куда вам, мне ещё к экзаменам...

— Вари-вари... — И пошли дальше рубить.

Сварил я и суп, чаю накипятил полный котелок — всё слопали: суп, сало, яйца, хлеб... только чай не допили.

— Ну, вы как космонавты.

— Какие космонавты?

— Ну, калорий много употребляете. По телевизору недавно показывали, что космонавтам специальная пища нужна, в которой калорий много. Что простому человеку столько не усвоить, надо тренироваться... а вы как космонавты.

— И ты как космонавт будешь, топором потюкаешь столько, сколько мы, — сказал дядя Игорь.

Я почему-то замолчал. А потом подумал, что совсем я ещё не повзрослел, хотя и девятый класс кончаю.

Победа

Рассказ

Я УЖЕ СОВСЕМ не помнил про это 9 Мая, а тут вспомнилось. И всё вспоминается и вспоминается. Всё яснее и яснее. Так перед глазами и стоит.

Я тогда маленьким был.

...День солнечный. Митинг ещё не начался. На скамейке около памятника сидят дед-ветеран и какой-то мужик. Мы (ребята разного возраста) — кто тоже на скамейке сидит, кто рядом стоит. И я тут же в сторонке.

Дед плотный телом, так что костюм в обтяжку, и кажется, что на брючинах и рукавах пиджака может лопнуть ткань. ...Сидит дед на скамейке боком, повернувшись к мужику. Рядом палка-клюка. Волосы седые. Лицо багровое, над глазами густые брови. Говорит:

— ...То, что видел, — не помню, что помню — не расскажешь, а что расскажешь... — не пове-ришь! Вот! — и головой кивнул.

...На митинге стихи читали. Ветеранов вызы-вали к памятнику. Женщина, работник клуба, долго перечисляла погибших. И кругом шепта-лись, что «какой красивый голос».

Потом в клубе концерт был. В конце на сцене пели «День Победы». ...Вдруг слышу, кто-то мне мешает, на ухо тихонько прищёптывает. Обернулся. ...Маленькая бабуся. В пуховом платке, в демисезонном пальто. Сидит на краю сиденья, на мой ряд руками опершись; ноги на-зад поджала. На сцену смотрит и слова повторя-ет. То, что я на неё смотрю, — не видит.

...Потом мы (ребята, кто помладше) в «ляп» около остановки играем. А по дороге полнова-тая, небольшого роста женщина в спортивках и кофте с молнией, с «химией» на голове ведёт подвыпившего старика-ветерана. Старик, осо-бенно против женщины, высокий. В светлом костюме. На седой голове кепка. Пиджак рас-пахнут. Когда старик пошатывается, покачива-ются и полы пиджака. Тогда медали ударяются друг о друга.

— Ну зачем пил? — говорит женщина.

— Фронтная! Законная! — отмахивается старик рукой. Он вообще всё, о чём говорит, ру-ками показывает.

— А вторую зачем пил? И без закуски.

— Фронтная! Законная!

— А вторая?! На фронте по одной, наверно, давали!

— Что?! — старик даже остановился и повер-нулся к женщине. — Знаешь ты... — снова по-шёл. — Мы под Смоленцем в атаку пошли... а вернулось... — он показал горсть. — А вина на всех было рассчитано... Так вина было!

Наверно, мне теперь, если вспомнилось, всю жизнь не забыть этого праздника.

Любовь

Рассказ

ВЧЕРА ДОЛГО сидел у Тани в гостях (пока она собиралась). Наблюдал за двумя Таниными братьями...

Карапузы. Оба на полу на ковре, среди куби-ков и деталей от конструктора, ползают. Боль-шую игрушечную машину-кран катают. У крана есть ручка, чтоб нитку-трос с крючком подни-мать, есть — чтоб стрелу поворачивать. Витька, который старший, пузатый, в коротких шорти-ках и футболке мелкими цветочками, босиком. Сашка, тот худенький, маленький, только голо-ва, как часто бывает, большая. Колготки слезли, болтаются у носков, следки натоптаны. Полоса-тая рубашка-безрукавка с якорем на груди (как он сам хвастается — «москская») из колготок вы-лезла.

Разодрались. Витька силой берёт и всё мол-ча, а Сашка не отступает, кусается, кричит. Я хотел разнять, но и сам... боюсь. А они на меня внимания не обращают. Правда, сразу их мама, Надежда Александровна, прибежала. Как всег-да, чёрные волосы на затылке в пучок собраны, рукава кофты закатаны. Сама в чёрных широ-ких брюках. И Таня на неё не похожа.

— Так! Ну-ка перестаньте! — присела к сыно-вьям. — Сейчас совсем заберу. Ну-ка по очере-ди! Кто умнее? Кто умнее — пусть уступит.

Ребята успокоились и сидят смирно, тогда Надежда Александровна опять к своему делу. Я вообще ни разу не видел её без дела. (Правда, она одна, не замужем. Трудно.)

Как только мать ушла, ребята опять засопе-ли. Витька кран заграбастал обеими руками. А Сашка тогда (на полу сидел) голову кверху поднял и заныл. На этот раз Надежда Александровна только в дверях мелькнула, бабушка их прибежала. Стройная, быстрая, дома всегда в спортивных костюмах. Платка не наденет, не то что наши бабушки. Седые волосы завивает.

— Санюшка, Санюшка. Что, миленький? Обидел? Стукнул?.. Ох бандюга! — на Витьку

для вида замахнулась, но кран оставила. Сашку, который уже только всхлипывает, на руки взяла. — Что, Санюшка, что? — по голове гладит. И опять к Витьке: — Он ведь маленький ещё! Не понимаешь?! — Так Сашку в другую комнату и унесла.

А я Витьке улыбнулся и подмигнул. ...Раньше и мы с Лёнкой дрались из-за чего-нибудь. И так же моя мама или его говорили: «Ну, кто умнее — тот уступит. Ну? Кто умнее?» Я всегда был умнее... или слабее.

А однажды... Это уже в четвёртом классе было...

У нас в семье было заведено, что первое сентября и окончание учёбы — праздники. И мне всегда подарки покупали. Я тогда попросил на окончание учёбы шахматы (в городе видел). Доска большая, ящичком складывалась... на два жёлтеньких металлических крючочка закрывалась. И сами шахматы казались мне очень красивыми: пластмассовые, но словно из кости.

Помню, мама сказала, что это дорогой подарок и что купят мне его, если я закончу без троек.

Когда выдали дневники, я открыл — а там по истории тройка. Я тогда знал, что тройка будет, но всё ещё надеялся — а вдруг! Лёнке про шахматы и про тройку разве что не со слезами рассказывал...

А на следующий день рано утром, когда я ещё лежал в постели, приходил Лёнка. И Лёнка (мне дословно запомнилось!) ...сказал: «Вот, тетя Таня, деньги, если... не хватает. Купите Женьке шахматы, хоть и дорогие. Он очень хочет».

А деньги тогда у Лёнки были накоплены свои (он бутылки сдавал). Я тоже сдавал, но деньги тратил.

* * *

...А вечером мы с Таней гуляли. В конце мая на улице хорошо. Тепло. Трава и листья на деревьях... Зелёные-зелёные. Я рассказывал Тане, как «играли» Витя с Сашей. А мы всё потихоньку шли вдоль аллеи, по набережной и смотрели на реку.

Потом я задержался, чтобы купить мороженое, и побежал догонять Таню.

...Мне встретился Колька Захин. Мы практически проходим вместе.

— Чего бегом?! — спросил он.

— Так... надо догонять, — показал я рукой на Таню.

— За бабой хвостом!

Я сначала пошёл шагом. ...А потом снова побежал.

Когда я догнал Таню, она на ходу повернулась ко мне и сказала:

— Я всё слышала. Я тебя люблю.

УЖАС

Рассказ

ВЕЧЕРОМ К КАТЕ пришла соседка по лестнице. Мать двух детей. Старшему десять.

Соседка третий месяц ухаживает за свекровью, которая не встаёт с постели. Так что уже и работу пришлось бросить. Все разговоры сводятся к одному — болезни свекрови.

— ...Младший придумал: «Возьму баночку с таблетками и трясу». А то ведь стонет и стонет, днём и ночью. ...Им уроки надо делать... Ваня всё перепробовал: и свистел, и кричал, по батарее колотил... А Коля младше, а... и смешно и грешно. Ужас. ...Мой сегодня... «Дорежь...» Ужас...

...А утром соседка пришла снова. Остановилась в тёмно затенённой прихожей:

— ...Умерла.

ГИМН

Рассказ

Бубенцы

НАД ТЁМНОЙ осенней рекой нависла старая черёмуха. На её самых тонких, будто нити, веточках, почти дотрагивающихся до воды... намёрзли прозрачно-белые округлые льдинки. Ветер покачивает черёмуху, льдинки, касаясь друг друга, слегка позвонивают бубенцами.

Откуда взялись эти бубенцы? Кто их повешил?

...Похоже, до приморозков вода в реке была больше, и валил густой снег. Упав на воду, снежинки, как бывает, не таяли полностью — их, сбившихся на переборах кучнее, несло течением словно рваные клочки размокшей тяжёлой ваты...

Вот эта вата и удержалась за опущенные в речку ветки черёмухи. После заморозков вода в реке спала, кое-где появились забереги. А на черёмухе сказались бубенцы.

В ВОЙНУ

Рассказ

— У МАТЕРИ ТОГДА телята на телятнике началидохнуть. А она не может ничего, изробилась, заболела. Лежит на кровати пластом; застонет иногда сильно-сильно. Ириша в зыбке не ревит — мне качать не надо. Сашка с Манькой уже большие — где-то чего-то делают. Витька ещё дома. Он меня на два года старше, а тогда совсем карличек был. На подоконник (велики ли окна), веришь — нет, скочит! И помещался. Чуть только голову приклонит, за косяки руками придаряживается, что-то всё на улице высматривает. И тогда тоже смотрел... Вдруг как спрыгнет на пол: «Идёт!!!» А кто идёт, чего идёт?

Я в рёв. И реву, и реву. (У меня слёзы близкие, но быстро и высохали.) Слышу, кто-то застучал на мосту, затопал громко-громко. Я реветь перестала, за сундук спряталась и совсем не шевелюсь. А Павел Иванович, председателем тогда был, вошёл, поздоровался. Никто не ответил — Витька тоже боится, стоит рядом с матерью. А Павел Иванович к матери подошёл. Спина вся в снегу — мело тогда сильно, — в правой руке шапку держит. Подошёл, постоял, постоял, опустил перед самой маминой головой на колени (у него спина была надорвана, наклоняться не мог). Долго присматривался к матери близко-близко, ухом прислушивался. Потом и сказал: «Что ж ты? Что ж ты делаешь-то, Лидия? Лидия, Лидия! Фуур с эма, с телятами! Пусть... У тебя же пятеро детей! Лидия?!»

Постоял ещё, повсхлипывал. А снег на спине так и не растаял, белеет. Поднялся после с трупом, на Витьку посмотрел и ушёл.

Не померла ведь мама. Не померла! Выкарабкалась. С того света воротилась. Здоровее только ещё стала. И нас всех вырастила. Одна.

Налимы

Рассказ

ГЛУБОКАЯ осень. Лист с деревьев осыпается, а снега нет. Льда на реке тоже. Он, от последнего приморозка, тонкий, как стекло, только на лужах.

Вдоль лесной речки тянется узкая тропинка, вся усыпанная опавшей, смёрзшейся теперь, хрусткой под ногами листвой. По тропинке

идут два охотника, идут с шумом, разрывающим приречную тишину.

Один из охотников лет шестидесяти, седой, голубоглазый. Сухопарый и высокий. Николай. Второй, Мишка, — лет сорока. Ростом поменьше и телом поплотнее. Волосы чёрные как смоль. Лицо скуластое, усы густые, верхнюю губу закрывают.

Оба в резиновых сапогах, широких шерстяных брюках, в суконных серых пиджаках, в шапках лесорубов. У обоих большие набитые рюкзаки, ружья: у Николая одностволка за правым плечом, у Михаила — двустволка, ремень ружья перекинут через голову, так что за спиной оно наискосок. Охотники торопятся.

В пересошем староречье, луже, лужице, которая едва больше, чем след лошадиного копыта, но глубокая, словно выкопанная, Михаил, шедший первым, проломил носком сапога лёдок...

— Стой-ка, Мишка! Смотри! — Николай перекинул ремень ружья через голову, присел к лужице и стал отламывать пальцами оставшиеся льдинки.

— Мальки! — догадался Михаил.

— Уже не мальки, но малыши совсем. — Николай окунул в лужицу ладонь и осторожно-боязливо приподнял в почти разжатой горсти двух темноватых, сразу выскользнувших рыбок. — Налимчики как будь?

— Налимчики, — кивнул Михаил. Улыбнулся: — Кишит?! — тоже присел на корточки, но слишком резко, рюкзак перевесил и Михаил упал на спину. Тут же встал — и снова к Николаю. Снова присел на корточки, наклонился совсем низко над лужей, так что двустволка Михаила стукнула об одностволку Николая. Николай поднял голову и взглянул на Михаила.

— А давай, Мишка, выручим налимов?

— Давай.

Поставили ружья к ольшине, от рюкзаков высвободились, расправили плечи и принялись друг за другом налимыю мелкоту пригоршнями из лужицы черпать и к реке носить. Зачерпнут — поднимают: у каждого в пригоршне по три-четыре изгибающиеся, выскользнуть торопящиеся рыбки удержатся, — к груди ладони с живым чудом... прижмут, чтобы ни одна из рыбок не потерялась, — и к реке. Собаки бегут вслед за хозяевами, а понять ничего не могут.

Уже в избушке, поздней ночью, Николай проснулся от едкого запаха сигаретного дыма. Сразу спросил:

— Ты чего не спишь?

— Да думаю... — В темноте избушки на селкунду показался огонёк — Михаил затянулся.
— Чево думаешь?
— Да всё курю, курю, не могу успокоиться.
— Да вот думаю... — Он снова затянулся и затушил сигарету в консервную банку, которую, похоже, привычно держал левой рукой у груди. — Думаю, лужа от реки далековато. А налим икру зимой мечет. Как он туда попасть смог? ... Конечно, может, река в староречье заходила, и вода там была; а по весне замыло. А может, мальков по большой воде самих туда принесло. Не знаю... Я спать сейчас.

Михаил поставил банку-пепельницу (слышно, как стукнулась), но сразу не лёг, а ещё посидел минут пять так. Потом забрался в свой спальный мешок, повернулся немного и вскоре притих... Николай, странно растревоженный, ждал этого. Он чувствовал, что не уснёт до утра. Почему-то боялся пошевелиться. Лежал на спине с широко открытыми глазами, словно что-то увидел в темноте. Думал.

Последняя пятница перед Пасхой

Рассказ

КРИВУЛИНА, ЗАГОТОВКА на сани, дожидалась Сашку ещё с осени. Он тогда на лыжах с охоты возвращался, увидел берёзу, в комле круто изогнутую, и вырубил. Но когда на плечо взвалил — одумался. Тащи такую! Надо обтесать — легче станет. Да охотничьим топором-малышкой много не натешешь. Вынес кривулину на полянку, в снег кинул, а место запомнил... И вот теперь, уже весной, как только начали открываться поля, а ручьи заговорили громче, отправился на то место.

Снега в лесу ещё много. Но ничего, ничего — где бугром, где по ельнику, вышел на примеченную полянку. Глянул. Точно! Лежит! На солнышке вытаяла, слегка покрасневшим отрубом выказывается.

Подошёл к кривулине. Постоял. И... дальше зашагал. Там, на другом краю полянки, берёза стоит — на топориче замечательная. Надо посмотреть...

До берёзы дошёл, до самой. На взгорюшке выросла. В широко оттаявшем вокруг ствола

кольце сереет прошлогодняя слежавшаяся трава, высохла уже, — под ногами, как ступил, ломким шёркотом отозвалась. Ладонью берёзы коснулся.

— Стоишь?! Хорошие с тебя, девонька, топорича выйдут, вековечные.

Ворона прилетела. (Откуда и взялась.) Села на берёзу, закаркала.

Запрокинул голову.

— Что?..

...В затылок стукнуло, в глазах помутнело, побелело. За комель берёзы ухватился, щекой к нему прижался. Шершавый. Отдышался. Пошёл потихоньку, как старик совсем, со вздохами. «Какие санки, какая кривулина. Топорича! Дойти хоть...» — «А что ты хочешь? Пост. Последняя пятница перед Пасхой». — «С вечера ничего не ел — конечно. Конечно — не ел ничего с вечера. Совсем я, что ли...»

К кривулине подошёл... «Ахааа. Ну-ну». Достал топор из-за пояса (батя этак носить привык) — и рубанул. Ещё раз! Ещё!

Ууух!

Легонько прошёлся вдоль по всей кривулине с внешней стороны изгиба — этой стороной ползья новых саней скользить будут. Теперь надо с внутренней стороны. ...С внутренней стороны убирать намного больше. Сначала сделал несколько глубоких, глубже сердцевины, зарубов — чтобы не сколосось. Вытер рукавом выступивший на лбу пот и принялся стёсывать. Осторожно выбрал изгиб. «Ладно-то как». Стал полоз намечать. «Как ладно». Топор больно ловко щепу снимает. «Помогают мне!»

— Ой какая! Ой какая! — Саня, оперевшись о топориче, присел перед чистой, древесной белизны кривулиной. Взявшись рукой за её изогнутый конец, поводил осторожно по истоптанному, усыпанному щепками снегу. Потом заулыбался, заулыбался чему-то. Засмеялся тихонько, с неожиданными слезами. Вдруг, затив дыхание, прислушался...

— Прилетел! Прилетел журавушка. Поздоровался. Впору. Снежок по буграм стаял. ...И тебе тоже здоровья хорошего!

Во весь рост распрямился. Заткнул топор за пояс. Кривулину на плечо закинул. А она вся в снегу. Так что осыпал себя зернистым снегом.

— Пойду уж!

Дома, как высохнет, распустит пилой обложенную кривулину на два полоза, острогает. Потом свяжет две готовые половинки черёмуховыми прутами — вот и будут корневушки-сани.